

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

«СТИХИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ» В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

А.А. Позднякова, Е.Р. Ласкарева, Л.Ю. Морозова

Аннотация. Лексические единицы, называющие природные явления, часто выступают элементами семантической структуры фразеологизмов разных языков. Особое место в группе метеонимов занимают единицы, номинирующие стихийные факторы — мощные природные процессы, возникающие в результате взаимодействия различных компонентов Земли, характеризующиеся непредсказуемостью и способностью вызывать значительные изменения в окружающей среде, часто приводящие к угрозе жизни человека. Цель данного исследования заключается в отборе и сопоставлении русских и английских фразеологизмов, включающих «стихийный компонент», их анализе с позиции семантической структуры. Установление того, как каждый конкретный язык отражает восприятие человеком природных катастроф, в каких формах эксплицирует семантику устойчивых сочетаний данной группы, является интересной исследовательской задачей. Ее решение позволяет ответить на вопросы, как культурная, историческая и географическая специфика влияет на формирование языковых образов. Сравнительный анализ фразеологизмов помогает выявить общее и различное в восприятии стихийных явлений в русском и английском языках, а также показывает, каким образом рисуются ментальные карты природных катастроф в сознании носителей языка. Более детальное изучение фразеологизмов данной группы в кросс-культурном аспекте позволяет сделать выводы о статусе и функции данных выражений в разных языках.

388

Ключевые слова: фразеологизм (фразеологическая единица), метеоним, стихийные явления, семантическая структура, внутренняя форма, мотивация, русский язык, английский язык.

Для цитирования: Позднякова А.А., Ласкарева Е.Р., Морозова Л.Ю. «Стихийный компонент» в семантической структуре русских и английских фразеологизмов // Преподаватель XXI век. 2025. № 4. Часть 2. С. 388–396. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-388-396

© Позднякова А.А., Ласкарева Е.Р., Морозова Л.Ю., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

"NATURAL DISASTER COMPONENTS" IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF RUSSIAN AND ENGLISH IDIOMS

A.A. Pozdnyakova, E.R. Laskareva, L.Yu. Morozova

Abstract. *Lexical units naming natural phenomena often serve as essential components of the semantic structure of idioms across languages. A special place within the group of meteonyms is occupied by units that denote natural disaster factors — powerful natural processes that arise from the interaction of various components of the Earth, characterized by unpredictability and the ability to induce significant changes in the environment, often posing a threat to human life. The aim of this research is to select, analyze, and compare Russian and English idioms that incorporate a "natural disaster component". Establishing how each language reflects human perceptions of natural catastrophes, and the forms in which the semantics of these fixed combinations are expressed, presents an engaging research challenge. Addressing this challenge enables us to explore how cultural, historical, and geographical specificities influence the formation of linguistic images. A comparative analysis of these idioms helps identify similarities and differences in the perception of natural phenomena in Russian and English, as well as illustrate how mental maps of natural disasters are created by native speakers. A more detailed cross-cultural study of these idioms further allows us to draw conclusions about the status and function of such expressions across languages.*

Keywords: idiom (phraseological unit), metonym, natural disasters, semantic structure, inner form, motivation, Russian language, English language.

Cite as: Pozdnyakova A.A., Laskareva E.R., Morozova L.Yu. "Natural Disaster Components" in the Semantic Structure of Russian and English Idioms. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education. 2025, No. 4, part 2, pp. 388–396. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-388-396

В центре нашего исследовательского интереса находятся русские и английские фразеологизмы, включающие «стихийный компонент» — «явления природы, обладающие часто разрушительной силой, которой человек не в состоянии противостоять или покоряется с большим трудом» [1, с. 1270].

Стихийные явления — неотъемлемая часть человеческой жизни, и отношение к ним является элементом национальной когнитивной базы, под которой в лингвокультурологии понимается «определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [2, с. 131]. Лексемы-метеонимы, называющие стихийные явления (буря, шторм, гроза, гром, землетрясение и др.), используются как средства выразительности и формируют образные ассоциации, лежащие «в основе метафоризации, любых переносов значения, которые играют важнейшую роль в формировании лексики» [3, с. 95]. Метафорически отражая человеческие эмоции, внутренние конфликты и сложные жизненные ситуации, метеонимы часто выступают в качестве компонентов семантической структуры фразеологических единиц в русском и английском языках. Данное исследование, по нашему мнению, помогает выявить, как различия в культурном восприятии стихийных явлений влияют на их реализацию в языке.

Семантическая структура фразеологизма в общем виде понимается как комплекс элементов, образующих многогранную сеть смыслов и отношений, свойственную языковому выражению. Е.Р. Малафеева определяет семантическую структуру фразеологизма следующим образом: «Семантическая структура фразеологизма представляет собой совокупность иерархически организованных сем разного уровня абстракции, подчиненных друг другу, — категориальных, субкатегориальных, групповых и индивидуальных, которые тесно связаны и взаимозависимы, подчинены друг другу» [4, с. 6]. Эта структура устойчива, монолитна, и различные уровни значений — от категориальных до индивидуальных — взаимодействуют, обеспечивая целостность в восприятии фразеологизма. На этот фактор указывают и зарубежные исследователи З. Кёвечес и П. Сабо (Kövecsces, Szabó, 1996), подчеркивая, что значение устойчивой единицы не просто выводится из значений его составных частей (что очевидно), но возникает из более общего представления носителя языка о словах-компонентах, воплощенного в конкретной концептуальной системе: “An idiom is not just an expression that has meaning that is somehow special in relation to the meanings of its constituent parts, but it arises from our more general knowledge of the word (embodied in our conceptual system)” [5, с. 330].

Опираясь на мнение М. Робертса (Roberts, 1944) о том, что устойчивое сочетание — (идиома) проявление «внутреннего дизайна», структуры мысли, сообщаемой через определенный код языка [6, с. 302–303], Айрин Катцару (Katsarou, 2011) пишет: “Idiom reflects a particular organization of thought, the mental design of language through different means of expression that permit the edifice of thought be fully and explicitly represented, not scantly and elliptically indicated” [7, с. 8]. (Идиома отражает особую организацию мышления, ментальный дизайн языка с помощью различных средств выражения, которые позволяют полностью и недвусмысленно представить структуру мысли, а не обозначать ее скучно и эллиптично.)

А.В. Куний, оценивая связь семантической структуры и значения, говорит о том, что «семантическая структура ФЕ шире ее значения, так как не исчерпывается только сигнifikативным, денотативным и коннотативным аспектами, а определяется также построением всего образования в целом, типом его грамматического значения, например числа или падежа, моносемантичностью или полисемантичностью, а также системными языковыми и речевыми связями» [8, с. 70]. Таким образом, семантическая структура фразеологизма включает его целостное значение, значения его компонентов, которые могут быть как прямыми, так и переносными, и те различные ассоциации и коннотации, которые возникают в контексте использования устойчивой образной единицы.

Соотношение между семантической структурой, семантическим значением и внутренней формой фразеологизма является крайне важной характеристикой устойчивой единицы как лингвокультурного феномена. В этой триаде именно семантическая структура служит платформой для формирования семантического значения, в то время как внутренняя форма раскрывает смысловые грани, эксплицируя образные и культурные ассоциации.

Мотиваторы внутренней формы — это те образы, символы или явления, которые «вдохновили» создание фразеологизма. Они служат связующими нитями между словесной формой и ее значением. Мотиваторы могут быть сопряжены с культурным контекстом, окружающей средой, историческими или социальными факторами. В ситу-

ации с фразеологизмами, связанными со стихийными явлениями, мотиваторы часто коренятся в опыте людей, взаимодействующих с природой¹. Очевидно, можно сказать, что прототипы фразеологизма и мотиваторы внутренней формы находятся в тесной связи, но они выделяют разные аспекты: прототипы больше связаны с конкретными реалиями и ситуациями, тогда как мотиваторы затрагивают более абстрактные, ассоциативные и эмоциональные элементы, обогащающие значение фразеологизма. Все элементы в совокупности образуют динамичную систему, в которой каждый влияет на понимание фразеологизма как целостного языкового явления, обогащая его смысл и использование в речи.

Сравнение русских и английских фразеологизмов, включающих «стихийный компонент», позволяет выявить интересные закономерности касательно семантической структуры и внутренней формы этих выражений в двух языках.

Фразеологизмы, мотивированные образами грозы, грома и молнии, в русском языке часто используются для обозначения внезапных и сильных эмоций, таких как гнев или удивление. См.: *как удар грома* — (разг., экспресс.) «неожиданно, внезапно» [9, с. 698]; *как громом (гром) поразило* — (устар., экспресс.) «ошеломило кого-л. чем-л. неожиданно» [там же, с. 508]; *как громом оглушить кого* — (разг., экспресс.) «поразить, ошеломить до крайности кого-л.» [там же, с. 431]; *как будто (словно и т.п.) громом пораженный кто* — (разг., экспресс.) «в растерянности, оцепенении, ошеломлении и т.п.» [там же, с. 508]. В английском языке есть сходное сочетание: *struck with thunder* «редк. ошеломленный; как громом пораженный» [10, с. 760].

Различие между русскими и английским фразеологизмами минимально и заключается в контексте и эмоциональной окраске выражений. В русском языке фразеологизмы чаще акцентируют внимание на внезапности и силе чувств, иногда с оттенком интенсивных реакций (гнева, удивления, замешательства). Эти выражения используются в разговорной речи и в художественной литературе для создания ярких образов, подчеркивающих стремительность эмоциональных состояний. В английском языке идиома *struck with thunder* также обозначает ошеломление, но ее употребление не столь распространено в повседневной практике, что делает ее более «книжной», менее эмоционально насыщенной для привычного разговорного контекста.

Многие фразеологизмы связаны с религиозными представлениями о громе как наказании: см. рус. *гром небесный* — (устар.) «по суеверным представлениям: кара, наказание свыше» [9, с. 159]; *грянет (грянул) гром* — (прост., экспресс.) «случится, последует тяжелое наказание, расплата за что-л.; неожиданно что-то произойдет, произошло» [там же]. Сюда же можно отнести и русскую пословицу о людях нерадивых, не принимающих вовремя мер предосторожности: *Гром не грянет — мужик не перекрестится* [11, с. 212]. В английском языке такие фразеологизмы носят более экспрессивный характер: *by thunder! (тж. thunder and lightning!) разрази меня гром!, гром и молния!*; *чёрт возьми!* (восклицание, выраждающее возмущение, восхищение и т.п.) [10, с. 759]; *how (what, where, why, etc.) in thunder...?* (разг.-фам., как (что, где, почему и т.д.)) *чёрт*

¹ Подробнее см.: Морозова Л.Ю., Позднякова А.А. Лингвокультурная коннотация русских и английских фразеологизмов с компонентом «сторона света» // Сборник статей по итогам V Международной конференции «Язык и действительность» и научных чтений на кафедре романских языков им. В.Г. Гака (25–27 марта 2020 года). М.: Спутник +, 2020. С. 261–266; Позднякова А.А., Чепкова Т.П., Морозова Л.Ю. Лингвокультурная коннотация английских и русских фразеологизмов с компонентом “wind/ветер” // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. Часть 2. С. 464–481.

возьми...? [там же]. Очевидно, что русские фразеологизмы акцентируют внимание на серьезных последствиях и моральной ответственности человека, в то время как английские идиомы используют «громящий мотив» для усиления эмоционального воздействия и выражения экспрессии. Можно сказать, что они создают более игривую и неформальную атмосферу, способствуют динамике общения. Здесь гром не кажется наказанием свыше, а скорее становится «живым» элементом, способным оттенить реакцию говорящего.

В некоторых фразеологизмах актуализируется оптический эффект грома:ср. рус. *как гром, громоподобный* и англ. *(as) loud as thunder* «очень громкий, громоподобный» [10, с. 759]. Русский сравнительный оборот используется для обозначения чего-то неожиданного и яркого, способного произвести сильное впечатление. Этим фразеологизмом подчеркивается не только громкость, но и внезапность события, что делает его эмоционально насыщенным и выразительным. Английская компаративная фразеологическая единица также акцентирует внимание на громкости, актуализируя мощь звукового эффекта грома. Однако в английском контексте данная фраза может также переносить значения, связанные с тревогой и угрозой, поскольку гром часто ассоциируется с надвигающейся бурей или непогодой. В результате английский фразеологизм не только описывает громкость, но и включает элементы драматичности и предвкушения чего-то значительного.

Казалось бы не связанное со стихийными бедствиями англ. выражение *steal smb.'s thunder* имеет интересную историю. Оно возникло в 1709 г., когда драматург Джон Деннис создал машину/механизм для имитации грома в своей пьесе «Аппий и Виргиния». Потом его постановку заменили на постановку трагедии Шекспира «Макбет», и Деннис увидел, что его машина используется без согласования с ним. Он в ярости воскликнул: «Они крадут мой гром!» С тех пор выражение стало употребляться в переносном значении: ‘использовать в своих целях чьи-л. идеи, открытия и т.п., не поставив в известность их автора, присвоить чьи-л. идеи, открытия и т.п.; совершить плагиат’ [там же].

В некоторых случаях близкие по значению русские и английские фразеологизмы опираются на оппозиционные образы. Интересно в этом смысле английское (первоначально американское) сочетание *blood and thunder* «кровавая мелодрама (обыкн. *novel, play, etc., of blood and thunder*)» [там же, с. 90], которое употребляется для описания драматических и эффектных событий или выступлений и отчасти соотносится с рус. выражением *леденящий кровь*. Оба выражения акцентируют внимание на сильных эмоциональных реакциях, но делают это разными способами. Если в английском *blood and thunder* акцентируемая часть — это «кровь» и «гроза», которые создают образы насилия, хаоса и остроты событий, то в русском сочетании акцент делается на страхе и ужасе. Это выражение подразумевает ситуацию, которая может вызвать паралич из-за страха или неподвижность от ужаса, за счет чего создается особая атмосфера напряжения.

Компонент *молния/lightning* формирует образы быстроты, см., например, рус. сравнительный оборот *как молния* и англ. *like lightning* (тж. *at* или *with lightning speed, like a streak of lightning*; разг. *like greased lightning*) «с быстротой молнии, молниеносно; стремительно; со всех ног, сломя голову» (*like greased lightning* первонач. amer.) [там же, с. 458]. Русское выражение может подразумевать внезапный и неожиданный эффект,

тогда как более разговорное английское имеет оттенок легкости и непринужденности совершения действия. В англ. пословице *lightning never strikes twice in the same place* появляется значение возможной удачи: «молния в одно и то же место дважды не бьет; судьба одним и тем же дважды не балует» [10, с. 458]. Данная пословица содержит философский подтекст, касающийся везения и судьбы. Она предполагает, что исключительные события, такие как неудачи или удачи, происходят редко и если что-то произошло однажды, то вероятность повторения этого события невелика.

Интересно, что некоторые сочетания в двух языках передают внешние и внутренние качества человека, но в оппозиционном плане. Ср. рус. громом не прошибешь — (устар., экспресс.) «о крепком, здоровом человеке» [9, с. 543] и англ. *like a (dying) duck in a thunderstorm* (тж. *like a duck in thunder* (досл. ‘как утка в гром’); австрал. *like a half-stunned* или *stunned duck*) «с растерянным, жалким, несчастным видом» [10, с. 229]. Есть и сходные образы, ср. рус. *как тучи, чернее тучи* и англ. *(as) black as night (as sin, thunder* или *as a thunder cloud*) «мрачнее тучи, туча-тучей» [там же, с. 87].

Русские и английские фразеологизмы, мотивированные образами грозы и бури, часто применяются для описания угрожающей ситуации или надвигающейся опасности. См. рус. *гроза собирается (сгущается) над кем* — (разг., экспресс.) «кому-л. угрожает опасность, беда, неприятность; о приближении чего-л. неприятного, тяжелого» [9, с. 159]; англ. *bring a storm about one's ears* «вызывать бурю (негодования, протестов и т.п.)» [10, с. 727]; *storm and stress* «беспокойство, волнение, напряжение (в общественной или личной жизни)» [там же]. К нему близко *take by storm* «захватить, завлечь, пленить, покорить (этим. воен. ‘взять штурмом’)» [там же].

Идея противостояния силам природы просматривается в англ. сочетании *ride (ride out или weather) the storm* «выстоять, выдержать, преодолеть трудности, испытания (этим. мор. ‘выдержать шторм’ (о корабле))» [там же, с. 727]; посл. *oaks may fall when reeds stand the storm* «дуб от бури валится, а тростник стоит как стоял» [там же, с. 547]. И наоборот, идея смирения перед силами природы содержится в англ. сочетании *bow before (или to) the storm* «уступить под давлением общественного протеста; уступить натиску» [там же, с. 727].

Идея ожидания неприятностей есть в рус. сочетании *затишье перед бурей*, англ. *calm* (или *lull*) *before the storm* «затишье перед бурей» [там же], англ. пословицах *after a storm comes a calm* «после бури наступает затишье» [там же] и *any port in a storm* «в бурю любая гавань хороша; в беде любой выход хороши» [там же, с. 595]. На идею нежелательности стихийных явлений сформирована внутренняя форма англ. идиомы *(as) welcome as a storm (as snow in harvest или as water in a leaking ship)* — «несвоевременный, нежелательный; некстати (о незваном госте); нужен как собаке пятая нога» [там же, с. 814].

Иронический компонент одинаково просматривается в рус. сочетании *буя в стакане воды* — (ирон.) «волнения, споры из-за пустяков» [9, с. 53] и англ. *a storm in a tea-cup* (или *teacup*) «буяя в стакане воды», этим. фр. *une tempête dans un verre d'eau* с лат. *excitare fluctus in simpulo* — «поднимать бурю в разливной ложке для жертвенных возлияний» [10, с. 727].

Русские и английские фразеологизмы, мотивированные образами пожара, служат для выражения идей, связанных со скоростью, что вполне понятно, учитывая сами обстоятельства этого стихийного бедствия: рус. *как на пожар* — (разг., экспресс.) «очень быстро, торопливо и суetливо» [9, с. 489]. Однако юмористическая коннотация придает

фразеологизмам, мотивированным этим образом, противоположные значения: *не на пожар* — (прост., ирон.) «незачем или некуда торопиться, спешить» [9]; *что за пожар* — (прост., ирон.) «некуда, незачем торопиться» [там же].

В.Г. Гак пишет: «Одним из важнейших факторов изменения значения слов является его функционирование в речи... Здесь возможны малозаметные сдвиги, которые с течением времени могут привести к существенным семантическим изменениям» [3, с. 100]. То же можно сказать и о фразеологизмах. В этом смысле показателен фразеологизм *земля горит под ногами*, значение которого постепенно развивается, см.: 1. Кто-л. вынужден быстро, стремительно убегать. 2. О кипучей деятельности кого-л. 3. (нов.) О возмездии за совершенные преступления (о врагах, бандитах, захватчиках) [9, с. 256].

Часто фразеологии связывают стихию с восприятием или эмоциональным состоянием человека: рус. *напускать туману* — (ирон.) «запутывать что-л., вносить неясность во что-л.» [там же, с. 396]; *небо с овчинку кажется, небо с (в) овчинку покажется кому* — (прост., экспресс.) «становится невыносимо страшно, тяжело, опасно и т.п.» [там же, с. 402]; англ. *out of hail* «вне пределов слышимости, вдали (первонач. мор.)» [10, с. 341]; *(as) thick as hail* «частый как град» [там же]; *within hail* «в пределах слышимости, proximity (первонач. мор.)» [там же]. При этом английские фразеологии более связаны с физическими характеристиками, нежели с эмоциональными. Они передают состояния, сопряженные с дальностью или близостью, объединяя восприятие звуковых сигналов с чувством безопасности или угрозы. Так, *within hail* указывает на близость и возможность взаимодействия, в то время как *out of hail* подразумевает отдаленность и, возможно, изоляцию. Фразеологизм *as thick as hail* использует образ града для иллюстрации плотности и частоты чего-либо. Здесь стихия ассоциируется не только с самой природой, но и с восприятием обстоятельств как непростой ситуации, когда окружающее становится настолько интенсивным, что преодолеть его становится сложно.

Со словом *землетрясение* удалось обнаружить одно сочетание с комическим, шутливым значением: *a pill to cure an earthquake* — букв. «пилюля от землетрясения»; жалкая полумера» [там же, с. 580]. Очевидно, это объясняется редкостью данного явления для русской и английской истории.

В заключение сделаем ряд выводов.

1. Активность «стихийного компонента» в структуре русских и английских фразеологизмов обусловливается рядом причин, основными из которых являются: 1) природный опыт (выступая частью повседневной жизни людей, стихийные явления воспринимаются как символы мощи и непредсказуемости природы); 2) культурные корни (образ мира, связанный с природой и климатом, отражается в языке; в народном сознании стихийные воздействия часто ассоциируются с жизненными ситуациями и эмоциональными состояниями); 3) аллегоричность и метафоричность (стихийные явления служат богатым источником метафорического языка; сравнения с природой позволяют выразить сложные человеческие эмоции или раскрыть характерные черты с помощью более наглядных образов).

2. Сравнение русских и английских фразеологизмов, включающих «стихийный компонент», позволяет глубже понять механизмы формирования семантической структуры устойчивых единиц. Метеонимы, связывая внутреннюю форму с семантической структурой, придают фразеологизму многослойность и обеспечивают разнообразие значений, что расширяет возможности их использования в языке. Понимание этой взаимосвязи помогает анализу фразеологических единиц, их роли в повседневной коммуникации.

3. Семантическая структура фразеологизмов, основанных на метеонимических моделях, демонстрирует наличие крепких связей между абстрактными и коннотативными значениями, обеспечивая передачу культурных особенностей восприятия стихии. Исследование триады «семантическая структура фразеологизма — семантическое значение фразеологизма — внутренняя форма фразеологизма» позволяет глубже осознать, как метеонимические элементы, отражающие эмоциональный и культурный контекст, взаимодействуют в образовании фразеологизмов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности: к вопросу о русской концептосфере // Язык, сознание, коммуникация / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1. 192 с.
3. Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований: на материале лексики французского языка. Л: Наука, 1979. 232 с.
4. Малафеева Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом-зоонимом в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Челябинск, 1989. 196 с.
5. Kövecses Z., Szabó P. Idioms: A view from cognitive semantics // Applied Linguistics. 1996. Vol. 17 (33). P. 326–355.
6. Roberts M.H. The Science of Idioms: A Method of Inquiry into the Cognitive Design of Language // Modern Language Association of America. 1944. Vol. 59 (1). P. 291–306.
7. Katsarou E. Descriptive and Theoretical Aspects of English Idioms: a Monograph. Lap Lambert Academic Publishing, 2011, 104 p.
8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.
9. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. З-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
10. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М.Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1984. 944 с.
11. Даль В.И. Пословицы русского народа / предисл. М. Шолохова; вступ. статья В. Чичерова. М.: Гослитиздат, 1957. 991 с.

REFERENCES

1. *Bolshoj tolkovyj slovar russkogo jazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language], comp. and chief ed. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint, 2000, 1536 p. (in Russ.)
2. Krasny V.V. Kognitivnaja baza vs kulturnoe prostranstvo v aspekte izuchenija jazykovoj lichnosti: k voprosu o russkoj konceptosfere [Cognitive Base vs. Cultural Space in the Aspect of Studying the Linguistic Personality. On the Issue of the Russian Conceptosphere]. In: *Jazyk, soznanie, kommunikacija* [Language, Consciousness, Communication], ed. by V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. Moscow, Philology, 1997, iss. 1, 192 p. (in Russ.)

3. Borodina M.A., Gak V.G. *K tipologii i metodike istoriko-semanticeskikh issledovanij: na materiale leksiki francuzskogo jazyka* [On the Typology and Methodology of Historical-Semantic Studies: Based on the Material of French Language Lexis]. Leningrad, Nauka, 1979, 232 p. (in Russ.)
 4. Malafeyeva E.R. *Semanticheskaja struktura frazeologizmov s komponentom-zoonimom v sovremenном russkom literaturnom jazyke* [Semantic Structure of Phraseological Units with an Animal Component in Modern Russian Literary Language]: PhD Dissertation (Philology). Cheljabinsk, 1989, 196 p. (in Russ.)
 5. Kövecses Z., Szabó P. Idioms: A view from cognitive semantics. *Applied Linguistics*, 1996, vol. 17 (33), pp. 326–355.
 6. Roberts M.H. The Science of Idioms: A Method of Inquiry into the Cognitive Design of Language. *Modern Language Association of America*, 1944, vol. 59 (1), pp. 291–306.
 7. Katsarou E. *Descriptive and Theoretical Aspects of English Idioms*, a Monograph. Lap Lambert Academic Publishing, 2011, 104 p.
 8. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennoj anglijskogo jazyka* [Course on the Phraseology of Modern English Language]. Moscow, Vysshaya shkola, 1986, 336 p. (in Russ.)
 9. Fedorov A.I. *Frazeologicheskij slovar russkogo literaturnogo jazyka: ok. 13 000 frazeologicheskikh edinic* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: approx. 13 000 phraseological units], 3rd ed., rev. Moscow, Astrel, ACT, 2008, 878 p. (in Russ.)
 10. Kunin A.V. *Anglo-russkij frazeologicheskij slovar* [English-Russian Phraseological Dictionary], 4th ed., revised; lit. ed. M.D. Litvinova. Moscow, Russkij jazyk, 1984, 944 p. (in Russ.)
 11. Dal V.I. *Poslovicy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian People]; foreword by M. Sholokhov; introductory article by V. Chicherov. Moscow, Goslitizdat, 1957, 991 p. (in Russ.)
-

Позднякова Алина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор, кафедра русского языка как иностранного, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), apozdnyakova@live.ru

396

Alina A. Pozdnyakova, PhD in Education, Associate Professor, Professor, Russian as a Foreign Language Department, The Kosygin State University of Russia, apozdnyakova@live.ru

Ласкарева Елена Ромуальдовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет, laskarevaelena@gmail.com

Elena R. Laskareva, PhD in Philology, Assistant Professor, Russian Language for the Humanities and Science Faculties Department, Saint-Petersburg State University, laskarevaelena@gmail.com

Морозова Лариса Юрьевна, доцент, кафедра иноязычного образования, Московский педагогический государственный университет, lyu.morozova@mpgu.edu

Larisa Yu. Morozova, Assistant Professor, Foreign Language Education Department, Moscow Pedagogical State University, lyu.morozova@mpgu.edu

Статья поступила в редакцию 25.04.2025. Принята к публикации 26.08.2025

The paper was submitted 25.04.2025. Accepted for publication 26.08.2025